Текст · 15 декабря 2018, 07:02
Регина Хисамова,

Мусин против Татарстана. Как один депутат-единоросс разрушил банковскую систему целого региона

15 декабря в Казани прошел митинг, приуроченный ко второй годовщине введения моратория в Татфондбанке, с которого в 2016 году начинался системный банковский кризис в регионе. Регина Хисамова («*Idel.*-Реалии») рассказывает, как депутат-единоросс Роберт Мусин, выдавая необеспеченные кредиты фирмам своих бизнес-партнеров, разрушил финансовую систему региона и лишил сбережений тысячи вкладчиков.

«Штурм» правительства

4 марта 2017 года в офисе Торгово-промышленной палаты Татарстана в Казани собрались около трехсот вкладчиков Татфондбанка (ТФБ) и Интехбанка. За три месяца до этого в обоих банках был введен мораторий на выполнение требований кредиторов, активисты боролись за их санацию: устраивали митинги, пикеты, писали обращения, петиции, встречались с представителями властей. Последние не отрицали: надежда на финансовое оздоровление есть. Но 3 марта все изменилось — Центробанк отозвал у банков лицензии, а Советский районный суд Казани арестовал главу ТФБ, экс-министра финансов Татарстана и депутата республиканского Госсовета от «Единой России» Роберта Мусина.

В ТПП вкладчиков встречали заместители министров юстиции и экономики Татарстана, представитель Налоговой службы и глава регионального Фонда поддержки предпринимательства. После почти часовой дискуссии стало понятно, что ответов на вопросы вкладчиков у них нет. Возмущенная толпа вышла на улицу и направилась к зданию правительства; от штаб-квартиры ТПП до Кабинета министров — 500–700 метров. В руках лидер вкладчиков Александра Юманова держала лист бумаги — ультиматум для властей Татарстана. Написали вкладчики его еще накануне, после того, как стало ясно, что санации не будет.

Вкладчики на митинге в марте 2017 года. Фото: Регина Хисамова

Подойдя к зданию Кабмина, активисты подождали отстающих товарищей и попытались пройти внутрь, но дверь оказалась заперта.

— Никто не заходит пока, ждем! Пусть [премьер-министр Татарстана Ильдар] Халиков сам к нам выходит. Слуги народа, выходите! — закричали в толпе.

Крики «Позор!», «В отставку!» и «Верните наши деньги!» сработали: минут через десять к вкладчикам вышел сотрудник правительства и объявил, что премьер-министр готов встретиться с двумя-тремя активистами. В здание зашли трое — Юманова, глава регионального отделения ПАРНАС Марсель Шамсутдинов и активист Иван Климов, который вел прямую трансляцию встречи.

— Здравствуйте, — Халиков пожал каждому руку.

— Мне не очень хочется пожимать вам руку, — честно призналась Юманова.

— Я вас слушаю, — как будто не заметив слов девушки, сказал глава правительства.

— А давайте сядем и огласим наш ультиматум, пригласите нас за стол, —Юманова прервала Шамсутдинова, который начал было разговор прямо на пороге.

Через минуту делегация была в пресс-центре Кабмина. Активисты сняли куртки и сели за стол. Юманова зачитала ультиматум: опротестовать решение Центробанка об отзыве лицензий у татарстанских банков и возместить пострадавшим клиентам потерянные средства в полном объеме, в противном случае протестующие будут требовать отставки президента Татарстана Рустама Минниханова. Срок ультиматума — три дня.

Активисты в зале Торгово-промышленной палаты Татарстана. Фото: Регина Хисамова

Теперь уже известно: Минниханов в отставку не уйдет, санации Татфондбанка не случится, Юманову и Шамсутдинова оштрафуют за «штурм» правительства, а тысячи вкладчиков так и будут выходить на митинги, надеясь привлечь внимание властей к своим проблемам.

Через год количество уголовных дел против главы ТФБ Роберта Мусина достигнет 22, а размер вменяемого ему ущерба — 50 млрд рублей. Чуть раньше уйдет в отставку Ильдар Халиков; сейчас бывший премьер работает в АО «Татэнерго». «Дело Татфондбанка» продолжит свой путь в арбитражных судах всех уровней, где перед вкладчиками постепенно откроется схема аферы, которая вылилась в крах всей банковской системы Татарстана.

«Причинение существенного вреда кредитно-финансовой системе России»

Банкира и депутата Роберта Мусина арестовали ровно за сутки до «штурма» правительства. Тогда Управление Следственного комитета по Татарстану возбудило в отношении него первое уголовное дело — по части 4 статьи 159 УК (мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере).

По версии следствия, в августе 2016 года сотрудники Татфондбанка «с целью получения кредита и последующего хищения денежных средств предоставили в Центральный Банк России

фиктивные сведения о наличии высоколиквидного актива, обеспеченного кредитными договорами с другими акционерными обществами». Иными словами, ТФБ заверил Центробанк, что у него достаточно денег, чтобы справиться с обязательствами по кредиту, даже если случится форс-мажор. В итоге ТФБ получил кредит от регулятора и, как отмечали в СК, перевел все 3 млрд рублей на счета аффилированных компаний — то есть попросту передал эти деньги фирмам, связанным с Мусиным.

В деталях схема мошенничества, как описывало ее следствие, выглядела так. В июле 2016 года крупное татарстанское предприятие «Казаньоргсинтез» положило в Татфондбанк субординированный депозит на 4 млрд рублей. В тот же день вся эта сумма была выдана в виде кредита еще одному промышленному гиганту — «Нижнекамскнефтехиму». Однако номинально капитал и кредитный портфель банка тем самым увеличился, и через пару месяцев Центробанк под залог кредита «Нижнекамскнефтехиму» выдал ТФБ кредит на 3,1 млрд рублей. В декабре того же года права требования и долги оказались у компаний Мусина — «Новой нефтехимии» и «Сувар Девелопмент».

Подобная схема была разыграна и в случае с исчезнувшим залогом векселя ООО «ИнтерСтар» по кредитам ООО «Урман». Это произошло 14 декабря 2016 года, за два дня до введения моратория в ТФБ. Пострадавшим в этом случае оказалось Агентство по страхованию вкладов (АСВ), ущерб составил 847 млн рублей. СК считает, что Мусин виновен в «пропаже

векселя на 207 млн рублей, который был залогом по кредиту на 847 млн». Махинации с векселем стали поводом для возбуждения второго уголовного дела в отношении банкира — на этот раз по части 2 статьи 201 УК (злоупотребление полномочиями, повлекшее тяжкие последствия), сама же компания ООО «Урман» в январе 2017 года начала процедуру ликвидации.

В апреле 2017 года в отношении Мусина возбудили еще одно дело — снова по части 2 статьи 201. На этот раз Следственный комитет сообщал, что действия банкира причинили «существенный имущественный вред» всей кредитно-финансовой системе России. Речь шла о выводе в декабре 2016 года части залогового имущества по кредитам на 1 млрд рублей, выданным компании «ТДК-актив».

Позже дела против Мусина объединили в одно производство.

Империя депутата, ее упадок и разрушение

Формально Роберт Мусин руководил только Татфондбанком, однако он или члены его семьи владеют долями почти во всех лопнувших татарстанских банках. Так, согласно данным Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ), через компанию ООО «Новая нефтехимия» (владеет 72,1%) Мусину принадлежат доли в Татфондбанке (20%), Тимер банке (100%), Татагропромбанке (46,6%) и нижегородском Радиотехбанке (напрямую около 30%, но через

связанные компании — 100%). Кроме того, он был совладельцем нескольких торговых сетей и фабрик.

Роберт Мусин. Фото: Егор Алеев / ТАСС

Империя Мусина начала разваливаться незадолго до краха ТФБ. Банкиру принадлежало несколько крупных компаний — сеть магазинов электроники «Белый ветер цифровой», работавшая в том же сегменте рынка группа компаний Domo, один из старейших в Татарстане швейных заводов «Адонис» и обувная фабрика «Спартак».

Жена бизнесмена Лидия Мусина управляла компаниями разной специализации (от производства мяса и молока до финансового посредничества), 31-летняя дочь — Аида Гилязова — вела бизнес по аренде недвижимости и выпускала дизайнерскую одежду.

«Банковское дело» и брачный договор супругов Мусиных

В конце июля конкурсный управляющий компании Лидии Мусиной «Аида и Д» обратился в Арбитражный суд Татарстана с ходатайством о признании брачного договора между супругами Мусиными недействительным. Что послужило причиной для обращения, неизвестно. Издание «Реальное время» сообщало, что через несколько дней после задержания Роберта Мусина его жена по договору дарения переписала их загородную усадьбу на дочерей — Аиду и несовершеннолетнюю Ясмин. Арест на

эту недвижимость не наложен. Кадастровая стоимость дома — 14,5 млн рублей, рыночная — может достигать нескольких десятков миллионов. 7 декабря арбитраж признал брачный договор Мусиных недействительным.

Сеть магазинов электроники «Белый ветер цифровой» насчитывала 200 филиалов по всей России. В августе 2014 года в Казани за одну ночь закрылись сразу все магазины сети. Позже стало известно, что в Арбитражном суде уже есть дело о банкротстве — сеть задолжала 7,2 млрд рублей.

Один из магазинов электроники «Белый ветер цифровой». Фото: Руслан Кривобок / РИА «Новости»

Компания Domo рухнула весной прошлого года. В настоящее время в Казани работает только один ее магазин. Рассказывая о причинах краха сети, ее основатель Антон Сайфутдинов отмечал, что бизнес был «ТФБ-зависимым», и говорил о неправильном выборе бизнес-модели. После кризиса 2008–2010 годов сеть так и не смогла восстановиться, а крах Татфондбанка лишь ускорил ее закрытие.

Обувная фабрика «Спартак» и швейная компания «Адонис» никогда не принадлежали Роберту Мусину напрямую, но контролировались его семьей в партнерстве с родственниками Ильдуса Мингазетдинова, который управлял Татфондбанком до прихода Мусина, а позже получил депутатский мандат от «Единой России» в Госсовете Татарстана. Семьи Мингазетдиновых и Мусиных имели доли в одних и тех же компаниях, которым, в свою очередь,

принадлежали (или до сих пор принадлежат) доли в ТФБ.

Окончательно «Спартак», «Адонис» и их дочерние предприятия обанкротились после того, как начались проблемы в Татфондбанке — крупнейшем кредиторе обеих компаний.

Банкир под арестом

После возбуждения уголовного дела Мусин провел в СИЗО почти год — с начала марта 2017-го по конец января 2018-го. Потом его по ходатайству следствия отпустили под домашний арест; СК мотивировал свою позицию тем, что банкир признал вину и «способствует раскрытию преступления».

Однако Мусин признал вину лишь по четырем эпизодам, причем не мошенничества, а злоупотребления полномочиями. 26 декабря 2017 года возбужденные против него уголовные дела были объединены в одно производство, Мусину предъявили обвинение в окончательной редакции, а материалы теперь готовятся к передаче в суд — сейчас проходит стадия ознакомления. Совокупный ущерб от действий банкира-депутата, квалифицированных по статье 201 УК (злоупотребление полномочиями), оценивается следствием более, чем в 50 млрд рублей. Расследование остальных эпизодов продолжается.

Мусин живет в своей просторной квартире на улице Тельмана, в самом центре Казани. Ему разрешены ежедневные прогулки — по утверждению защиты, содержание в СИЗО подорвало здоровье банкира. Он до сих пор не лишен статуса депутата

Государственного совета Татарстана; согласно декларации о доходах, за 2017 год подследственный заработал около 9 млн рублей.

Со своим делом Мусин знакомится без лишней спешки. В ноябре на очередном заседании по продлению меры пресечения стало известно, что банкир прочел только 28 томов из 120-ти.

Корреспондент «Медиазоны» пытался задать адвокату Мусина Алексею Клюкину вопросы о ходе расследования, состоянии здоровья подзащитного и его мнении об уголовном деле, однако юрист сослался на подписку о неразглашении.

«Банковское дело» и загадочный самолет

«Роберт Мусин может сбежать на частном самолете из России» — с таким заголовком вышло летом 2017 года татарстанское издание «Бизнес-онлайн». Другие СМИ и вовсе сообщали, что банкир не находится в СИЗО, как заявляют силовики, а спокойно живет в своей почти 280-метровой квартире в центре Казани, в так называемом «поселке нефтяников».

Позже все эти сообщения не подтвердились. СК наложил арест на предполагаемый «самолет Мусина» — Bombardier Challenger 850 с бортовым номером RA-67220. Сам бизнесмен утверждает, что никакого отношения к джету не имеет. По его словам, он не вылетал за границу на этом самолете и никогда не был в тех странах, о которых заявляет следствие.

В итоге оказалось, что самолет принадлежит компании «СП Фоника», учрежденной, в свою очередь, компанией из Люксембурга, которая уже ликвидирована. «СП Фоника» ранее владела значительной долей в Татфондбанке — 3,4%. Лизинг самолета осуществляла другая компания — ООО «Фоника Авиа». Эта компания также уходит корнями в лихтенштейнский офшор, который зарегистрирован по соседству с «СП Фоника».

По данным flightradar24.com, самолет с номером RA-67220 продолжает совершать регулярные полеты.

75% кредитного портфеля

В течение последнего года конкурсный управляющий Татфондбанка — Агентство по страхованию вкладов — пытается добиться в Арбитражном суде Татарстана отмены решения о ликвидации части заемщиков и оспорить сотни

сделок, совершенных в последние месяцы до моратория.

Согласно картотеке Арбитража и базе данных «Интегрум», почти все заемщики Татфондбанка сами приняли решения о ликвидации в декабре 2016го или марте-июле 2017 года. Речь идет почти о сотне компаний с уставным капиталом в 10 тысяч рублей; все они брали многомиллионные кредиты в ТФБ — и все они тем или иным образом связаны с Мусиным.

Получив кредит, эти фирмы обращались в Арбитражный суд Татарстана и по собственным искам и искам других, аффилированных с ними компаний, и признавались банкротами. Если АСВ успевало вступить в дело до решения, то там вводилось наблюдение, если нет — то конкурсное производство.

Несмотря на попытки конкурсного управляющего отменить решения о ликвидации этих фирм, суд до сих пор отказывал во всех подобных исках.

Юрист Союза пострадавших клиентов Татфондбанка и Интехбанка Алексей Фиалко говорит, что ему не вполне ясны мотивы, которыми руководствуется АСВ в попытках отменить решения о ликвидации.

— В юридическом плане, для чего это нужно и что это может им дать, я не совсем понимаю. У ТФБ порядка 65 фирм, которые укладываются в четко определенную картину: сразу же после введения временной администрации эти более 60 кредиторов поменяли директоров, учредителей и приняли решения о ликвидации. По крайней мере, основная

масса. Просто при ликвидации вводится упрощенная процедура банкротства. Видимо, чтобы формально помещать всему этому, АСВ и начало оспаривать ликвидацию. Хотят повернуть процесс вспять. Вот только фирмы от этого не появятся, как и деньги у них. Может быть, они хотели войти в банкротное дело и сами хотели контролировать процесс. Тем более, что в самой процедуре банкротства у них больше полномочий, чем вне ее, — рассуждает юрист.

Союз пострадавших клиентов Татфондбанка и Интехбанка, изучив данные из открытых источников и документы ТФБ в банкротном деле, выяснил, что долги 65 компаний-заемщиков составляют 66,8 млрд рублей — это 75% кредитного портфеля Татфондбанка.

— Если посмотреть картотеку арбитражных дел, то окажется, что все эти фирмы имели как минимум хозяйственные отношения друг с другом — арендовали помещения, давали друг другу кредиты и поставляли материальные ценности, — рассказывает Фиалко. — Основная дыра именно там. Эти фирмы получали деньги от ТФБ не потому, что у них было отличное финансовое положение, а потому что они были связаны с руководством банка, выводя для них деньги за рубеж и выполняя какие-то другие цели. Это уже вопросы к следствию.

«Медиазона» проанализировала доступные данные компаний, о которых говорит Алексей Фиалко, и обнаружила, что все указанные фирмы так или иначе связаны друг с другом. Одни — хозяйственной деятельностью, другие имели одних и тех же

учредителей и директоров, третьи брали займы друг у друга.

Например, жене Роберта Мусина принадлежит компания «Аида и Д», вероятно, названная в честь их дочери Аиды Гилязовой. Ее долг перед ТФБ составляет 12,4 млрд рублей. Компания признана банкротом по иску Тимер банка, который, в свою очередь, на момент банкротства на 100% принадлежал компании Роберта Мусина «Новая Нефтехимия». Сама же «Аида и Д» банкротит ООО «СтройПодряд» и заявила гражданские иски к двум другим связанным компаниям — ООО «Аида-Финанс» (25,9 млн рублей) и ООО «Креатив-Инвест» (исковые 4,1 млн).

Еще одна интересная фигура в этой схеме — Айрат Гилязов. Предположительно, он — муж дочери подследственного банкира Аиды. Ему же принадлежит швейная фабрика «Адонис» (банкрот), «Торговый дом "Адонис"» (банкрот), ООО «Адонис Ритейл» и ООО «Реал Групп» (банкрот). Гилязов владеет 50% в этих компаниях, остальные доли принадлежат младшему сыну Ильдуса Мингазетдинова Рафаэлю. Компания «Торговый дом "Адонис"» банкротится по иску другой компании Гилязова.

У Ильдуса Мингазетдинова есть компания «Креатив-Инвест» — еще один крупный заемщик ТФБ с суммой долга 9,9 млрд рублей. Она банкротится по иску «Траверз компани» — учредителя ТФБ.

«Банковское дело» и Госжилфонд

На заседаниях в арбитражных судах разных инстанций часто звучат обвинения в адрес не только Мусина и менеджмента Татфондбанка, но и руководства республики.

В июне этого года в Арбитражном суде Поволжского округа началось рассмотрение дела по кассационной жалобе Госжилфонда на решение Арбитражного суда Татарстана, который признал недействительным соглашение о расторжении договора ипотеки от 5 декабря 2016 года, заключенное между банком и республиканским Госжилфондом (ГЖФ).

Представитель АСВ сослался на аффилированность властей республики с руководством банка. Он пояснил, что большая доля ТФБ принадлежит республике, а ГЖФ — полностью подконтролен властям. Таким образом, по мнению представителя АСВ, и в фонде, и в банке не могли не знать о положении ТФБ на момент заключения и расторжения договоров. Кроме того, ГЖФ принадлежит правительству Татарстана, которым на тот момент руководил Ильдар Халиков. Он же был председателем правления банка.

Другая сторона в этом деле — представитель Госжилфонда — заявляла, что все заемщики, получившие кредиты в ТФБ, в обеспечение которых ГЖФ заложил свое имущество, состояли в сговоре с банком с целью невозврата кредитов и причинения ущерба.

Когда премьер просит ЦБ об отсрочке

В истории с ТФБ главным действующим лицом со стороны властей оказался теперь уже бывший глава правительства Татарстана и председатель совета директоров банка Ильдар Халиков.

Ильдар Халиков. Фото: Егор Алеев / ТАСС

Весной-летом 2016 года Центробанк проводил плановую проверку Татфондбанка на качество кредитного портфеля. Проверка завершилась 21 июля 2016 года, а 30 сентября регулятор вынес банку предписание. ЦБ установил, что руководство ТФБ «грубо нарушило положения Банка России», неправильно оценив кредитные риски, связанные с финансовым положением заемщиков: проще говоря, ТФБ выдавал кредиты организациям, которые кредитовать не следовало — небольшие молодые компании получали крупные займы.

Кроме этого, регулятор в ходе проверки выявил ряд других нарушений, которые могли привести к отзову лицензии и банкротству. Например, ЦБ установил, что некоторые из заемщиков брали новые кредиты, чтобы погасить предыдущие. В некоторых случаях кредиты оформлялись на третьих лиц.

В заключение Центробанк подчеркнул, что Татфондбанку необходимо доформировать резервы до 23,5 млрд рублей, иначе банк ждет сокращение собственных средств более чем на 80%, а это, в свою очередь обернется банкротством.

В тот же день, 30 сентября, в Центробанк пришло письмо за подписью председателя совета директоров банка и премьер-министра Татарстана Ильдара Халикова.

«Татфондбанк является вторым по размеру активов региональным банком Татарстана и имеет высокую социальную значимость для республики. В соответсвии с распоряжением Кабинета Министров Татарстана от 28 апреля 2016 года Татфондбанк включен в перечень крупных экономически и социально значимых (системообразующих) предприятий и организаций Татарстана», — писал Халиков.

Он указывал, что в уставном капитале Татфондбанка 35% (на момент отзыва лицензии — 45%) принадлежит республике, а ее правительство оказывает банку поддержку в развитии и реализации значимых проектов. Халиков предложил регулятору отложить исполнение предписания на октябрь 2016-го — январь 2017 года и расписал комплекс мер по избежанию банкротства и повышению устойчивости банка.

Вкладчики уверены, что Халиков не только не пытался выполнить данные Центробанку обещания, но и умышленно выторговывал у регулятора дополнительное время, чтобы руководство Татфондбанка могло окончательно вывести средства. Это подтверждается и исками АСВ к заемщикам и кредиторам ТФБ, в основном — компаниям, аффилированным с Мусиным, или близким к руководству республики бизнесменам. Согласно этим искам, в конце лета и всю осень 2016 года вплоть до введения моратория банк заключал

невыгодные сделки и проводил операции на десятки и сотни миллионов рублей.

«Когда они должны были доначислять необходимые резервы, вместо этого незаконно выводили залоговое имущество по целому ряду кредитных договоров с Татфондбанком, а аффилированные с банком юридические и физические лица в срочном порядке погашали кредиты со своих же счетов в этом банке, переводили деньги в другие кредитные учреждения и снимали миллионы со счетов, досрочно закрывая депозиты», — писали в начале августа 2016-го в своем обращении к силовикам и федеральным властям кредиторы первой очереди ТФБ.

Встреча активистов с Ильдаром Халиковым в марте 2017 года. Фото: Пресс-служба правительства РТ

По их данным, сумма выведенных из банка средств за период с конца ноября по 15 декабря 2016 года составила 20 млрд рублей, включая два миллиарда, которые вывели физические лица через сделки с предпочтением.

«Банковское дело» и «главный строитель Татарстана»

За несколько дней до введения моратория, когда большинство вкладчиков уже не могли получить свои деньги, депутат республиканского Госсовета Равиль Зиганшин, известный как «главный строитель Татарстана», пытался снять более 400 млн рублей со счета своей компании «ПСО "Казань"». Попытка была успешной лишь

отчасти: обналичил бизнесмен только около 50 млн рублей.

ООО «Производственно-строительное объединение "Казань"» — один из крупнейших заемщиков и клиентов ТФБ. Компания выступала поручителем по кредитам аффилированных с Мусиным фирм. Например, в обеспечение исполнения обязательств ООО «Ягодинская Слобода» по шести кредитам между банком и «ПСО "Казань"» были заключены договоры залога прав требований на общую сумму 479 млн рублей. Кроме того, ТФБ и ПСО заключили договоры залога прав требования и договор поручительства по кредиту ООО «Грит Плюс» на 771 млн рублей.

Рассмотрение этих дел по иску АСВ — конкурсного управляющего ТФБ — начались еще в июле 2017 года. Представитель «ПСО "Казань"» тогда не оспаривал существования этих договоров, но уже через несколько заседаний заявил об их фальсификации. Он сообщил, что генеральный директор и единственный участник ООО «ПСО "Казань"» Равиль Зиганшин не подписывал соответствующие документы. Однако по результатам почерковедческой экспертизы в рамках уголовного дела Роберта Мусина подлинность подписи Зиганшина подтвердилась. Суд встал на сторону банка и признал договоры действительными.

Этой осенью Советский районный суд Казани частично удовлетворил иск к депутату — с него взыскали 444 тысячи евро (вместо 7,5 млн евро, которых требовало АСВ).

Какой была банковская система Татарстана до кризиса и какой стала после него

Татфондбанк был одним из крупнейших банков Татарстана. Он занимал 42-е место в банковской системе России. В нем кредитовались или держали свои деньги не только представители малого бизнеса самой республики и других регионов Поволжья, но и тысячи жителей Татарстана. Далеко не все смогли получить их обратно — после краха на руки выдавали только суммы, не превышающие 1,4 млн рублей.

В банке также предоставляли «вклады» под доверительное управление инвестиционной компании «ТФБ Финанс». Это «дочка» самого ТФБ, которая брала деньги вкладчиков под высокий процент. Когда банк рухнул, выяснилось, что им вообще не положено никакого возмещения, так как «вклады» не были застрахованы. По делу «ТФБ Финанс» задержали топ-менеджеров инвесткомпании, ведется следствие, а подозреваемые после нескольких месяцев в СИЗО вышли под домашний арест или подписку о невыезде.

До декабря 2016 года Татарстан оставался одним из немногих российских регионов, в которых существовала относительно независимая банковская система. Эксперт комитета Госдумы по финансовому рынку Ян Арт связывает ее становление с политикой первого президента республики Минтимера Шаймиева.

— В 1990-е [Минтимер] Шаймиев и [председатель Национального банка Татарстана Евгений] Богачев просто не пускали другие банки, не из Татарстана, на рынок. Таким образом они давали возможность местным банкам накачать мускулы и набраться капитала. Мне тогда казалось это очень неправильным — сепаратистская и недальновидная политика. Но я ошибался. Это позволило республике вырастить банки, вполне сопоставимые с федеральными. Таких регионов было немного — Татарстан, Башкортостан, Санкт-Петербург, Кубань, Ростов, — говорит Арт.

После отзыва лицензий у ведущих татарстанских банков ситуация кардинально изменилась, констатирует эксперт. «Теперь она близка к общей по России, но нужно учитывать, что в других регионах вообще нет своей банковской системы», — отмечает он.

При этом Арт называет схему, когда большинство компаний-заемщиков связаны с руководством банка-кредитора, типичной: «Это беда российской экономической ситуации», — считает финансовый аналитик.

Столкнувшись с протестами вкладчиков, руководство Татарстана решило создать Республиканский фонд поддержки (РФП); ему выделили землю, которую предстоит продать, а вырученные средства направить на возмещение. Однако этот процесс займет годы. РФП уже начал выплаты юридическим лицам — ТСЖ, религиозным и благотворительным организациям, но только тем, кто потерял в Татфондбанке до 300 тысяч рублей.

При Министерстве экономики республики действует рабочая группа по проблемам вкладчиков, но, как отмечают активисты, ее деятельность пока не принесла заметного результата.

Крушение Татфондбанка вызвало эффект домино: вслед за ним «посыпались» и другие банки республики — Интехбанк, «Анкор», Татагропромбанк. На фоне волнений вкладчиков других региональных банков свои позиции потерял «Спурт банк». 21 июля 2017 года ЦБ лишил его лицензии, а 20 июля этого года бывшего председателя правления банка Евгению Даутову отправили под домашний арест. В ее деле два эпизода по части 4 статьи 160 (присвоение или растрата в особо крупном размере), четыре эпизода по части 2 статьи 201 (злоупотребление полномочиями, повлекшее тяжкие последствия) и один эпизод по статье 172.1 (фальсификация финансовых документов). Она частично признала свою вину.

В отношении топ-менеджеров Интехбанка также возбуждено уголовное дело — правда, в отличие от ТФБ, лишь спустя полтора года.

По итогам кризиса можно констатировать: «спастись» в Татарстане удалось лишь двум банкам — Тимер банку и Радиотехбанку. Последний принадлежал Роберту Мусину через аффилированные компании. Свои вложения в ТФБ Радиотехбанк успел сократить буквально в последние дни перед введением моратория: до этого банк владел около 5% (6 млрд рублей) от величины активов ТФБ, а 26 декабря 2016 года его доля составляла уже всего 0,17% (9,7 млн рублей).

31 марта 2017 года в Радиотехбанке обновился состав совета директоров — ушли все те, кто был напрямую связан с делом Татфондбанка или работал в его структурах. Более того, в Арбитраже рассматривалось несколько дел о признании операций между ТФБ и Радиотехом недействительными. Сумма претензий доходила почти до 1 млрд рублей. Но после начала процесса стороны подписали мировое соглашение, и ТФБ простил своему младшему партнеру долги. Об этом попросило правительство Нижегородской области, где находится головной офис Радиотеха.

У Тимер банка — другая история. «Тимер» и ТФБ тесно связаны уже почти пять лет — с тех пор, когда первый назывался «БТА-Казань» и попал под санацию. В мае 2014 года года ЦБ принял решение об оздоровлении банка и назначил санаторами АСВ и ООО «Новая нефтехимия» (основной бенефициар Татфондбанка). Через несколько месяцев уже 100% будущего Тимер банка принадлежали «Новой нефтехимии».

Когда у ТФБ начались проблемы, они сразу же перекинулись и на Тимер. 20 февраля 2017 года

Центробанк ввел в нем временную администрацию в лице АСВ. Но этот банк терять не хотели, поэтому сначала принадлежащий «Ростеху» банк «Российская финансовая корпорация» (РФК) стал санатором Тимера, а потом полностью выкупил его.

Уже почти два года в республике ходят слухи о скором банкротстве другого крупного банка — «Ак Барса». Это первый (исторически) банк Татарстана, он принадлежит государству и госкомпаниям. Никаких сбоев и отклонений в работе «Ак Барса» пока не замечено; прошлым летом он провел ребрендинг и запустил несколько новых предложений. Однако в республике опасаются, что если «зачистка» Центробанка доберется и до него, то Татарстан может потерять последний оплот своей некогда устойчивой региональной банковской системы.

Лицо протеста. «Дробильщица» Сария

На каждом митинге вкладчиков в Казани, на каждом судебном заседании по делам Татфондбанка и Интехбанка можно увидеть одну и ту же женщину. Ей 61 год, она ездит в Москву и в любую погоду стоит в одиночных пикетах. Ее зовут Сария Романова, но остальные вкладчики называют ее Сария апа (по-татарски — «тетя Сария»).

Сария Романова. Фото: Регина Хисамова

Романова и члены ее семьи были клиентами Татфондбанка; это было удобно, один из офисов ТФБ — рядом с домом. Кроме того, банк принадлежал властям, что казалось гарантией его надежности, объясняет Сария. Привлекательным казалось и то,

что деньги со счета можно было заказать и получить в течение одного рабочего дня; в других банках, уверяет активистка, такого не было.

Романова — «дробильщица». Так называют тех, кто за несколько дней до введения моратория, когда банк уже перестал выдавать вкладчикам деньги, разделил свои сбережения по счетам родственников. «Мы не могли 50 тысяч снять тогда (в декабре 2016 года — МЗ), в очередях стояли, а в тоже самое время компании и депутаты снимали миллиарды. А мы остались ни с чем», — сетует она.

У семьи вкладчицы в банке осталось 1,3 млн рублей. Еще 1,4 млн они получили как страховую выплату.

— Мы ходим по пикетам, по митингам, на суды тоже, а нас никто не хочет слышать. Воз и ныне там. Министры говорят: вы же получили 1,4 [миллиона], что вам еще надо? А мы что, остальные деньги должны положить в карман Мусину? — говорит Сария.

В декабре прошлого года АСВ подало в Арбитражный суд иск к Романовой. Агентство усмотрело в снятии денег 5 декабря 2016 года нарушение, но не учло, что в тот же день вкладчица снова вернула деньги на счет в том же банке. Как объясняет она сама, родственники планировали покупку, но потом сделка сорвалась, и они вернули 1 млн рублей в банк. АСВ хотело потребовать возвращения этого миллиона, так как операция была проведена в период неплатежеспособности банка. Однако суд занял сторону Романовой и отказал в удовлетворении иска.

Деньги, которые «зависли» в банке, принадлежат матери Романовой. Ей 89 лет, и эту сумму она копила всю жизнь, чтобы старшие дети могли обеспечивать младшую дочь, которая родилась с синдромом Дауна. Пенсия по инвалидности у сестры — пять-шесть тысяч рублей в месяц, рассказывает Сария.

Редактор: Дмитрий Ткачев